

Е. Н. Кушева, М. А. Усманов*

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СТРОЕ ВАЙНАХОВ

(ПИСЬМО 1657 г. ИЗ ШИБУТСКОГО ДЖАМААТА ЦАРЮ
АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ)

Интерес к изучению глубоко своеобразного общественного строя горских народов Кавказа особенно оживился в послевоенные годы. Однако многие вопросы остаются неясными. Недавно появившиеся в печати историографические обзоры В. И. Марковина и Н. П. Гриценко, работы Л. И. Лаврова, Г. А. Меликишвили и А. И. Робакидзе¹ показывают, насколько разнятся взгляды исследователей и на начало процесса классообразования у горских народов Кавказа, и на уровень развития у них феодальных отношений.

Одна из причин недостаточной разработанности этих вопросов — состояние источников. Многие из горских народов Кавказа, в том числе и вайнахи — чеченцы и ингуши, не имели до Великой Октябрьской социалистической революции своей письменности и мало использовали письменность иноязычную. Однако возможности расширения круга источников еще далеко не исчерпаны. Архивные фонды русских учреждений, ведавших с конца XVI в. сношениями России с Кавказом, содержат материалы и для изучения прошлого горских народов Кавказа. Но в документах, написанных русскими людьми, социальные термины передаются в русифицированной форме или заменяются русскими. Поэтому особенно ценны сохранившиеся в тех же архивах документы, исходившие непосредственно от местных народов. Написаны они на арабском, персидском или тюркских языках. Выявление и изучение этих документов — одна из очередных задач кавказоведов.

Настоящая публикация посвящена уникальному вайнахскому документу, дошедшему до нас в подлиннике², — письму 1657 г. царю Алек-

* М. А. Усманову принадлежит русский перевод письма из Шибутского джамаата и лингвистический комментарий к нему (с. 101—104).

¹ В. И. Марковин. К изучению средневековой истории народов Северного Кавказа. — «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки». Ростов-на-Дону, 1976, № 4, с. 12—16; Н. П. Гриценко. К вопросу о феодальных отношениях в Чечено-Ингушетии (историографический обзор). — Там же, с. 16—23; Л. И. Лавров. Назревшие вопросы изучения социальных отношений на докапиталистическом Кавказе. — «Социальная история народов Азии». М., 1975, с. 6—8, 14—15; Г. А. Меликишвили. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ. — «История СССР», 1975, № 6, с. 48—55; А. И. Робакидзе. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе. — «Сов. этнография», 1978, № 2.

² Отметим, что в фондах русских учреждений XVI—XVII вв. не удалось обнаружить подлинников других вайнахских документов. Две грамоты мурзы Шиха Окуцкого 1588 г. дошли до нас только в русском переводе. Челобитные XVII в. «окочан» — жителей слободы Терского города — написаны терскими подьячими.

сею Михайловичу, которое было привезено в Москву в 1658 г. тремя посланцами от Шибутского джамаата³. Ниже приводится фото тюркского подлинника документа, его перевод на русский язык, выполненный в Посольском приказе в Москве, и новый перевод М. А. Усманова, снабженный его лингвистическим комментарием.

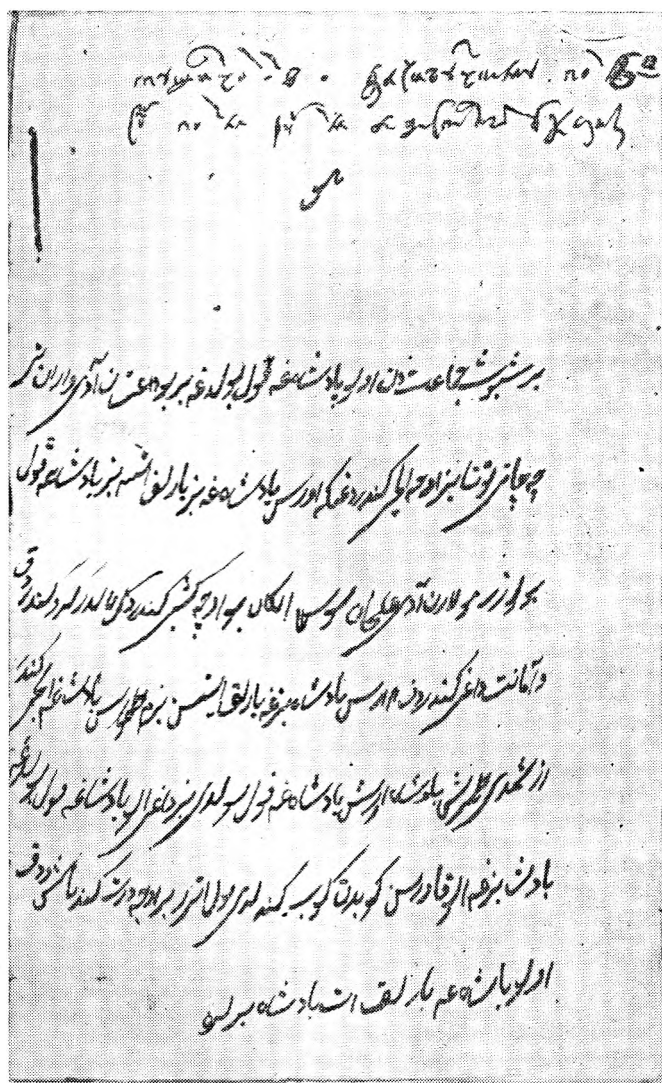

Рис. 1. Письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу. Фотокопия подлинника

**ПЕРЕВОД ПИСЬМА, ВЫПОЛНЕННЫЙ В ИЮЛЕ 1658 г.
В ПОСОЛЬСКОМ ПРИКАЗЕ В МОСКВЕ**

Перевод с татарского письма, что подали в Посольском приказе диякам думному Лариону Лопухину да Дмитрею Шубину посланцы Шубуцкие земли в нынешнем во 166 м году июля в 13 день.

³ Центральный государственный архив древних актов в Москве (далее — ЦГАДА), ф. Сношения России с Кабардой, оп. 2, № 86, л. 5а. Документ обнаружен Н. Г. Волковой, которой авторы выражают благодарность.

Великому государю царскому величеству учинились мы, горские шу-
буцкие люди, в холопстве, Адиварантые, Чаты, Тонся улусы, послали
к вам, великому государю, своих трех послов, и мы учинились великому
государю холопи. А послали послов своих Алихана да Суслу да Алгана
и аманата на Терек дали ж. И нас бы великий государь пожаловал.

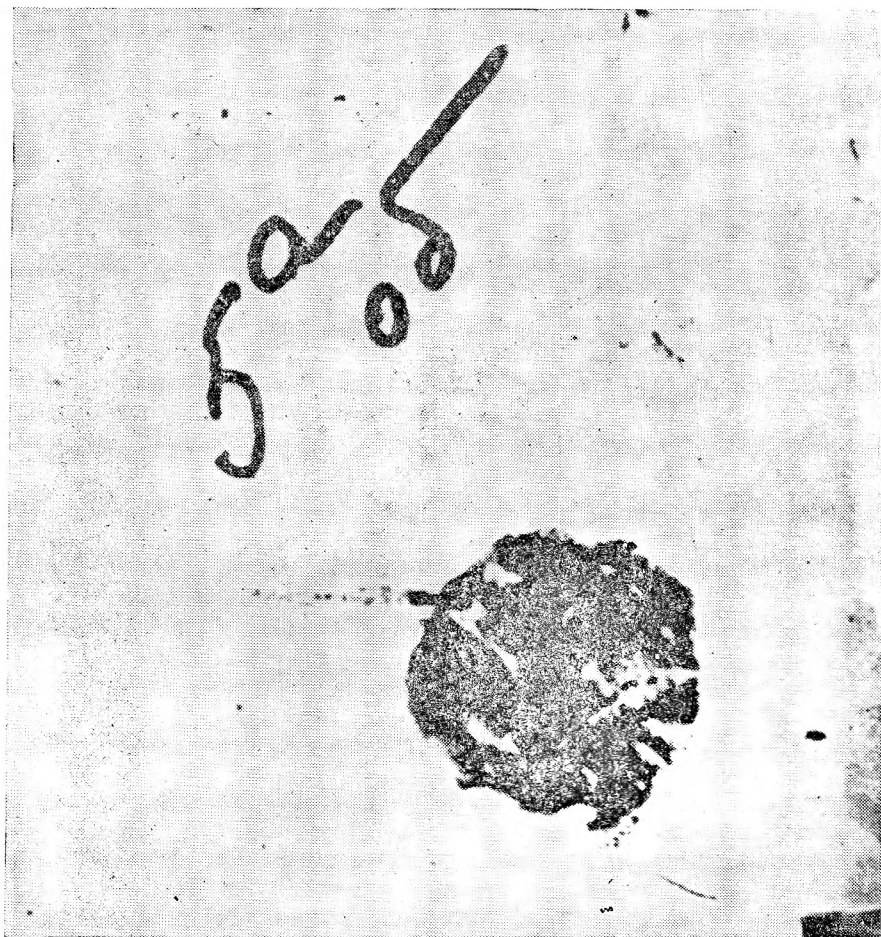

Рис. 2. Оборот письма 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу.
Фотокопия подлинника (сильно увеличено)

А послов своих послали с Теймуразом царем, Теймураз царь учинился ж
великому государю в подданстве ж, а мы великому государю холопи ж.
А иных горских многих людей приведем же под его великого государя
высокую руку. А нам бы великий государь велел давать корму. А бьем
челом, мы, Шубуцкие улусы, чтобы великий государь указ учинил.

(ЦГАДА, ф. Сношения России с Кабардой, оп. 2, № 86, л. 5.)

ПЕРЕВОД М. А. УСМАНОВА

Он! ¹

Мы, из Шибусьского джамаата ², чтобы быть подданными ³ великого
царя, [из] сей страны гор ⁴, [а] именно [из] Варанты ⁵, Чечани ⁶, Тонса ⁷—
направили трех посланцев к русскому царю; если он пожалует ⁸ нас, то
мы станем подданными царя. Имена сих [посланцев] суть: Алихан,
Сусла, Алгян — этих троих людей мы послали, и их (?) снова (повтор-

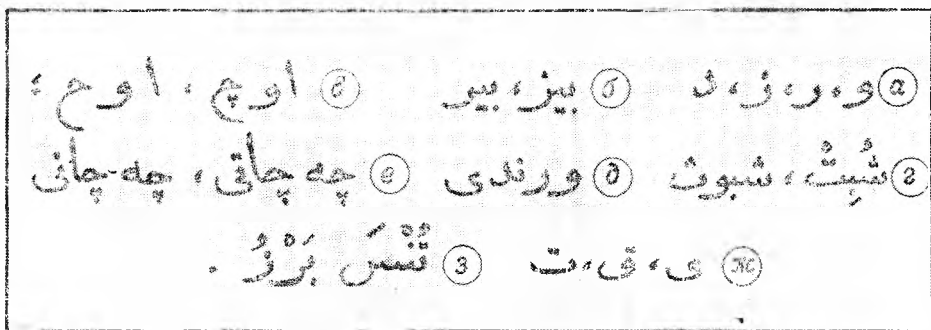

Рис. 3. Фрагменты текстов к комментарию М. А. Усманова

но)⁹ послали; и аманата¹⁰ также послали мы. И пусть русский царь нас пожалует. Пошлем посланцев нашему Тэмурасу¹¹ царю; ныне Тэмраш царь стал подданным русского царя. Мы тоже [желаем] быть подданными русского царя. Царь, смотри же на нас велико¹² — приведем в подданство много-много селений¹³. [А пока] мы, три-четыре селения, били челом¹⁴ великому царю: пожалуй нас, царь!¹⁵

На оборотной стороне документа чернильная печать¹⁶.

Над текстом документа — помета дьяка: Тушинцом двум да чибутцкому по 40 соб[олей] по 40 руб[лей] сорок, а достальным от казны.

(ЦГАДА, ф. Сношения России с Кабардой, оп. 2, № 86, л 5а—5а об.)

Комментарий

Общие замечания

Публикуемое письмо представляет собой небольшой текст из 8 неполных строк. Язык тюркский, письменность арабская; почерк настаалик, с преобладанием элементов таалика.

Письмо написано, видимо, представителем одного из нетюркских народов Кавказа, более или менее свободно владеющим каким-либо тюркским наречием (например, карачаево-балкарским или кумыкским) и знакомым с турецким книжным языком. Об этом свидетельствует наличие в тексте инфинитивной формы на -ырга, свойственной наряду с языком поволжских татар и карачаево-балкарскому наречию, а также отдельных типично турецких глагольных форм. В то же время в сравнительно небольшом по объему документе много отклонений от норм грамматики и стилистики средневекового турецкого книжного языка (несогласованность частей предложений, вольные инверсии, несоблюдение сингармонизма в орфографии и т. д.). Чтение и понимание текста весьма затрудняется и палеографическими особенностями документа, так как в письме порой трудно отличить друг от друга такие различные по содержанию буквы, как *vaу*, *ra*, *эз*, *даль* (см. рис. 3, а). Часто отсутствуют необходимые диакритические знаки или же путаются их места, в результате чего вместо *биз* (*мы*) получается *бир* (рис. 3, б), вместо *уч* (*три*) — *ух* (рис. 3, в); собственное имя Теймураз представлено двояко: Тэмурас и Тэмраш (см. рис. 1, строки 5 и 6) и т. д.

Русский канцелярский перевод, сопровождающий оригинал, сделан, видимо, с помощью устного опроса толмачами кого-либо из посланцев, владеющего, возможно, в той или иной степени тюркским языком. В пользу такого предположения говорят некоторые особенности текста (см. п. 5 примечаний), с одной стороны, и дополнительные элементы; отсутствующие в подлиннике, но поясняющие содержание, — с другой. К последним относятся слова «улус», «Шибущие улусы», топоним «Терек» и целое предло-

жение «А нам бы великий государь велел давать корму». О других незначительных или существенных отклонениях можно судить, сопоставляя оба перевода — старинный канцелярский и новый. Сопоставление показывает, что старинные канцелярские переводы восточных документов, в том числе и тюркоязычных, сообщая нам бесспорно ценную дополнительную информацию, в то же время не вполне отражают содержание документов в целом.

Примечания к переводу текста

1. Он! — арабское местоимение 3-го л. ед. ч. (*хуа, ху*), употреблявшееся на Востоке в качестве специальной формулы в начале писем и книг как эпитет «всевышнего», т. е. аллаха.

2. Шибусьского джамаата — в письме Шамиля к Дубе от 4 марта 1849 г. этот топоним представлен в форме *Шубит* (см. *Р. Ш. Шарафутдинова. Арабские письма Шамиля из архива Б. А. Дорна. — «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1970»*. М., 1974, с. 210, 491). В нашем письме в конце слова вместо *та* стоит междузубная фрикативная *са* — *Шбусь* (ср. рис. 3, з).

3. Быть подданными — в переводе 1658 г. — «учиниться в холопстве». В тюркском оригинале дано полисемантическое *кул булмак*, буквально «быть рабом», исторически «быть (стать) подданным».

4. В оригинале дагестан, буквально — «страна гор», в канцелярском переводе слово «горские» дано в качестве эпитета к слову «люди».

5. Варанты — в переводе 1658 г. этому термину соответствует «Адиваранты», что, видимо, является результатом формального объединения переводчиком топонима Варанты (в упомянутом письме Шамиля — рис. 3, д — *Варанды*. См. *Р. Ш. Шарафутдинова. Указ. раб.*, с. 210, 211, 491) и тюркского слова *ады* (*-аты*) — «его имя (их имена)», что лучше перевести в данном случае как «[а] именно».

6. Чечани (Чăчани) — в старом переводе «Чаты», хотя начальная часть *че* в подлиннике изображена очень четко и ясно. Возможно, она в переводе пропущена из-за механической описки или же этот компонент термина в разговорной речи обычно опускался. Несколько спорным является чтение последнего слога топонима (или этно-топонима): *ти* или *ни* (рис. 3, е). Хотя в 1658 г. это слово переведено *Чаты*, палеографическая особенность письма вполне допускает возможность чтения *Чечани*, ибо разница между буквами *та* и *нун* в арабском письме в начале и середине слова состоит лишь в одной надстрочной точке (между прочим, и в копии начала XIX в., имеющейся в архивном деле, это слово прочитано как *чечани*, хотя в целом названная копия оставляет желать лучшего). В пользу чтения *Чечани* (Чăчани) есть и другие аргументы. Например, в документе около 30 раз встречаются буквы, содержащие диакритические двоеточия (рис. 3, ж). В 17 случаях эти двоеточия оформлены зигзагообразной горизонтальной черточкой (т. е. соединенными между собой по горизонтали точками), в пяти — просто черточкой, слегка растянутой по горизонтали (короткий дефис), в трех — лишь одной точкой и в остальных трех случаях диакритические знаки отсутствуют.

Таким образом, в подавляющем большинстве случаев (т. е. в 22 из 30) арабское надстрочное двоеточие выражено четко. Следовательно, слегка удлиненную по горизонтали черточку, следующую за *чеча...*, можно читать как точку над *ни*, а слово в целом — *Чечани*. Для наглядности достаточно сравнить диакритические точки в написании этого слова и рядом стоящего слова *Тонса*, где двоеточие *та* выражено предельно четко.

Естественно, что для окончательного решения вопроса необходимо привлечь дополнительные материалы из исторической этнотопонимики Северного Кавказа.

7. Тонса — в старом переводе *Тонся*. В письме Шамиля читаем *Тонса Барзо* (рис. 3, з), хотя публикатор огласовал их в переводе как *Танус Борза* (*Р. Ш. Шарафутдинова. Указ. раб.*, с. 210, 211 и фотокопия — с. 491). Идентичность этих двух «Тонса» из различных документов не вызывает сомнения. Тонсу вполне можно отождествить с современным Тумсой. Причину же перехода «н» в «м», а «о» в «у» следует искать как в этимологии данного топонима, так и в закономерностях исторической фонетики языков местных народностей.

8. Понятие жаловать (пожаловать) дано при помощи составного глагола *йарлык этмак*, что означает буквально «приказать, повелевать, предписывать». Исторически это могло означать «пожаловать», «оказать милосердие».

9. Фразу не удалось разобрать полностью. Здесь нет ничего, похожего на «Терек».

10. Аманат — заложник (арабск.).

11. В старом переводе смысл предложения несколько отличается от оригинала: «а послов своих послал с Теймуразом царем». Но в документе речь идет о намерении на будущее и о желании направить посланцев к самому Теймуразу.

12. Смысл не вполне ясен, дается буквальный перевод: «царь, смотри же на нас велико».

13. Понятие селение в подлиннике соответствует термину персидского происхождения *кянд*.

14. Били челом — в подлиннике *баш[у]рдук*, т. е. буквально «ударил головой мы», что эквивалентно русскому «бить челом».

15. Заключительную фразу письма (п о ж а л у й н а с , ц а р ь) следует понимать как настойчивую просьбу жителей Шибутского джамаата принять их в подданство; толмачи же XVII в. ее перевели описательно, смягчив настоятельный тон просьбы. Что касается понятия «Шубуцкие улусы» из перевода 1658 г., то оно является фактически элементом толкования текста переводчиком, относящимся к «трем-четырем селениям» из предшествующего предложения оригинала. Как было отмечено выше, в заключительной части письма нет текста, соответствующего предложению из канцелярского перевода: «А нам бы великий государь велел давать корму».

16. Оттиск печати неразборчив; судя по всему, это перстневая печать, содержащая специальную тамгу или имя владельца печати.

Публикуемый документ, отражая русско-вайнахские связи, дает ценные сведения и об общественном строе вайнахов. Привлекаемые нами русские архивные источники XVII в. позволяют выяснить происхождение документа, дату его написания, отсутствующую в подлиннике, и дополняют информацию письма по таким вопросам социальной жизни населения горного Кавказа, как роль общины, патронимическая организация, процесс классообразования.

Происхождение документа таково. В 50-е годы XVII в. особенно оживились сношения с Россией кахетинского царя Теймураза, еще в 1639 г. присягнувшего на подданство русскому царю и добивавшегося помощи в борьбе против шаха Ирана⁴. Тогда же возникли связи с Россией горных грузин, в том числе и тушин, активных участников антииранской борьбы, а путь из Тушетии на Русь шел по Аргунскому ущелью, т. е. через вайнахские земли. Приехавшие в 1656 г. в Москву три «грузинца» — Салтан, Григорий и Павел, представители Тушетии, Хевсуретии и Пшавии, — рассказали в Посольском приказе и о Шибутской земле, через которую проехали, направляясь в Терский город: «Да те же грузинцы говорили: живут де блиско их Шибутская земля, а ратных людей с тысячу человек. И как они поехали к Москве, и те де Шибутские земли люди приказывали им — буде великий государь изволит их, грузинцов, принять под свою государеву высокую руку, и они б великому государю и об них били челом, чтобы великий государь изволил и их под свою государеву высокую руку принять с ними, грузинцы, вместе. И в том де они меж собою верились, чтобы им быть вопче»⁵.

Возвращаясь на родину в сопровождении азнаура Ивана Мамукина, посланцы горных грузин встретились в сентябре 1657 г. в Терском городе с царем Теймуразом, который через Балкарию и Кабарду ехал в Москву просить военной помощи против шаха Ирана. 27 сентября Теймураз отпустил их вместе с Мамукиным в Тушетию, а сам уехал в Астрахань. 4 ноября Мамукин вернулся в Терский город с девятью тушинами и

⁴ Подробно об этом периоде русско-грузинских отношений см.: Н. Т. Накашидзе. Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII века. Тбилиси, 1968.

⁵ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грузией, оп. 1-я, 1656 г. № 1, лл. 54—56.

тремя «шибутцами» — Алханом, Сусло и Алганом (в ряде документов Алган назван Явкой); все они присоединились к Теймуразу в Астрахани. Приведенные сведения датируют подлинник письма временем между концом сентября и первыми числами ноября 1657 г., когда Мамукин через Аргунское ущелье проехал в Тушетию и тем же путем обратно.

Тушины и шибуты прибыли вместе с Теймуразом в Москву 20 июня 1658 г. Уже 13 июля шибутские посланцы были приняты дьяками в Посольском приказе и подали «татарское письмо», которое было переведено. Тогда же передали свое письмо на грузинском языке и тушины. Оба послания, отражая состоявшийся между тушинами и шибутами договор, содержали просьбы о принятии жителей Тушинской земли и Шибутского джамаата в русское подданство. Так как Иван Мамукин назвал шибутов христианами, они были приведены к присяге, как и тушины, в Успенском соборе Кремля. В сентябре 1658 г. двое тушин и шибутский посланец Алхан побывали на приеме у царя, получив в подарок по 40 соболей каждый⁶.

Лишь через год, в сентябре 1659 г., шибутские посланцы выехали из Терского города на родину в сопровождении терского стрелецкого головы Михаила Молчанова, который вез пространную «образцовую записку» для приведения жителей Шибутской земли к присяге на евангелии. Присяга не состоялась: Молчанов не нашел в Шибутах христиан. В своем отчете он писал: «Шибутские земли жителей к вере не привел для того, что православных христиан у них никого нет, а называютца де они православными христианами, потому что едят свинину. А оболгал де их христианскою верою грузинец Иван Мамукин напрасно». Однако приехавшие в 1661 г. в Астрахань «тушины» Астоп Арабулин и Абул Асторул рассказали, что вера у жителей «Шибутской земли» «одна» с тушинами, т. е. христианская, «а иные шибутцы живут и по бусурмански»⁷. Эти разноречивые сведения отражают неустойчивость мусульманских верований у вайнахов XVII в.

В сохранившихся документах нет сведений о приездах из Шибутской земли в Москву в последующие годы XVII в., хотя появление в столице тушин отмечается неоднократно⁸.

Один из первых вопросов, который встает при изучении документа, — где же был написан подлинник? Язык его тюркский. Судя по содержанию, можно думать, что писали его на месте, в Шибутах, где было определено, кого отправить в Москву. Во всяком случае, подлинник написан ранее приезда посланцев в Астрахань, так как в нем говорится о намерении отправить послов к царю Теймуразу. В переводе XVII в., выполненном, как предполагает М. А. Усманов, с участием шибутских посланцев, смысл фразы иной («а послов своих послали с Теймуразом царем»). Это изменение вызвано тем, что перевод был сделан в Москве, куда шибутцы приехали вместе с царем Теймуразом.

Посланцы были направлены к «русскому царю» из «джамаата Шибусь». Названия Шибуты, Шибутская земля, шибутские люди постоянно встречаются в русских документах конца XVI и XVII вв. По русским источникам XIX в. Шибуты или Шубуты — одно из чеченских «обществ» в ущелье р. Чанты-Аргун⁹.

⁶ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грузией, оп. 1-я, 1657 г., № 4; 1658 г., № 1, ч. 1 и 2, № 3; кн. 5—7; Архив Ленинградского отделения Ин-та истории АН СССР, ф. Астраханской приказной палаты, № 3139, 3149.

⁷ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грузией, оп. 1, 1658 г., № 1, ч. 2, л. 470; кн. 7, лл. 47—47 об.; ф. Приказные дела новой разборки, оп. 1, № 1418. Н. Г. Волкова называет фамилию Арабули одной из древних фамилий Хевсуретии (см. Н. Г. Волкова. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в. М., 1974, с. 122).

⁸ Известия русских документов XVII в. о Тушетии и тушинах заслуживают специального изучения.

⁹ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М., 1963, с. 58—87; *ее же*. О некоторых особенностях гене-

Арабский термин «джамаат» употреблялся на Северном Кавказе и в Дагестане и в более узком значении — сход, собрание, община селения, и в более широком — объединение ряда общин. В этом последнем он переводился в русских источниках XIX в. термином «общество»¹⁰. В 1658 г. переводчик Посольского приказа передал термин «джамаат» выражением «шубуцкие люди». Эта замена позволяет понять значение некоторых сведений из русских документов XVII в., относящихся к вайнахской территории. Так, в документе 1621 г. дан перечень: шибутские, калканские, ероханские и мичкисские люди; в других документах XVII в. упоминаются тшанские, мерезинские, мулкинские, окоцкие люди — этнонимы, которые могут быть сопоставлены с названиями вайнахских «обществ» XIX в. горных и предгорных областей Чечено-Ингушетии¹¹.

Таким образом, значительная часть территории вайнахов в XVII в. была занята поселениями джамаатов — обществ. От одного из них — джамаата Шубут — и поехали в 1657 г. в Москву Алхан, Сусло и Алган как представители общины, а не какого-либо лица или лиц. Характерны такие обороты текста: «мы... направили трех посланцев...», «мы станем подданными царя» и т. п.

В письме 1657 г. приведены три топонима, для которых в переводе XVII в. дано собирательное пояснение «улусы». Два из них — «Варанты» и «Тонса» — надо сопоставить с переданными более поздними источниками названиями двух чеченских тайпов — «Варандой» и «Тумсой». На картах XIX в. Варанды и Тумсой обозначены как селения (ныне сел. Б. и М. Варанды, Тумсой в ущелье р. Чанты-Аргун)¹².

Вайнахский «тайп», «тейп» (арабский термин «тайфа») привлекает внимание кавказоведов как форма родственной экзогамной организации, существовавшей веками¹³. Этнографы вслед за М. О. Косвеню предлагают отождествление вайнахского тайпа с патронимией. Изучение вайнахских тайпов важно для понимания социально-экономического развития вайнахских народов.

Упоминание в документе 1651 г. «Зумсовцевых (т. е. Тумсоевых) кабаков»¹⁴ (кабак — тюркский термин, означавший в русских источниках XVI—XVII вв. северокавказское селение) показывает, что тайп мог объединять несколько селений.

Комментирование третьего топонима документа 1657 г. встречает затруднение. В переводе XVII в. читаем «Чаты». В новом переводе даются два возможных варианта прочтения — Чечани и Чечати, в лингвистическом комментарии приведены доводы в пользу варианта Чечани. Однако некоторые документальные известия осложняют решение вопроса. В том же 1658 г., когда посланцы Шибутского джамаата доставили в Москву письмо, царь Теймураз передал царю Алексею Михай-

зиса феодализма у народов Северного Кавказа. — «Проблемы возникновения феодализма у народов СССР». М., 1969, с. 179—188; Н. Г. Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; *ее же*. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в., с. 143—183.

¹⁰ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 214—216.

¹¹ См. указанные в примеч. 9 работы Н. Г. Волковой и Е. Н. Кушевой.

¹² В окрестностях этих селений сохранились многочисленные средневековые памятники. См.: В. И. Марковин. Пещеры — родовые усыпальницы в Шатоевской котловине (Чечня). — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии АН СССР», № 86, М., 1961; В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1970, № 360, 424; В. Б. Виноградов. Через хребты веков. Грозный, 1970, с. 100, 111.

¹³ М. О. Косвен. Указ. раб.; А. И. Робакидзе. Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа (в связи с вопросом о соотношении патронимии, рода и семьи). — «Сов. этнография», 1968, № 5; Е. И. Крупнов. Средневековая Ингушетия. М., 1971, гл. VI—VII; А. И. Робакидзе. Патронимия у народов Кавказа. М., 1973; М. А. Мамакаев. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973.

¹⁴ Архив Ленинградского отделения Ин-та истории АН СССР, ф. Астраханской приказной палаты, № 2619, 2647.

ловичу в устной форме челобитную трех братьев — Загастуна, Алибека, Алхана — и их племянника Кучбара. Они сообщали, что «аманаты де их взяты на Терек, а ныне де они живут великого государя на земле на Чачане», просили, «чтобы тою землею ево государевы люди у них не отымали и не обижали и рыбу б им всякую ловить», и обещали служить государеву службу, «как и иные черкасы и казаки великому государю служат». На Терек была послана «государева грамота»: «буде они учинились под государевою высокою рукою и по своей вере шерть учинили и аманата дали, и их оберегать и рыбу им ловить и держать их в государском милостивом жалованье, как и иных иноземцев, которые под государевою высокою рукою»¹⁵.

Сведения других русских документов XVII в. позволяют определить трех братьев-челобитчиков как аварских мурз Турловых (или «Черных князей» Каракиши) и сообщают о «Чеченовской деревне», находившейся во второй половине XVII в. севернее Шибутской земли¹⁶, т. е. об ауле Чечен на левом берегу р. Аргун в нижнем ее течении. В источниках есть ясные указания на то, что «Чеченовская деревня» не входила в состав Шибутской земли. В свете этих данных включение топонима Чечани в письмо из Шибутского джамаата представляется непонятным. Форма же «Чаты», попавшая, очевидно, в русский перевод 1658 г. при устном опросе посланцев, может найти объяснение в упоминании документом начала 1650-х годов «Чатусовых кабаков». В 1651 г. терский воевода сообщил в Астрахань, что жители «горские землицы кабаков Чатусовых да Чимнаховых да Зумсовцевых да Вашандаровых» дали в Терский город аманата, «договорясь с шибутцкими людьми вместе с одного и договор учинили на том, что и вперед им аманаты давать вместе заодно же по очереди». Сношения с воеводой вели «шибутские начальные люди», среди которых назван по имени шибутский «начальный человек» Айдемир¹⁷. Здесь Чатусовы кабаки объединены с другими, которые все локализируются более поздними источниками в ущелье р. Чанты-Аргун: Чимнаховы кабаки — тайп Чинхой и селение Чинухой, Зумсовцевы — очевидно, Тумсоевы, т. е. Тонса письма 1657 г., Вашандаровы — тайп Вашандарой и сел. Вашандарой¹⁸.

Три топонима в письме, несомненно, не охватывают всех селений и тайпов Шибутской земли. Обещание привести в подданство русскому царю «много много селений» относится или к другим селениям Шибутского джамаата, или к более широкой территории.

Но кто же были шибутские посланцы Алхан, Сусло и Алган? В письме их имена названы без какого-либо определения. Отписки воевод, приказные «памяти», грамоты, писавшиеся дьяками и подьячими в связи с поездкой посланцев из Терского города в Москву и с пребыванием в

¹⁵ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грузией, кн. 6, лл. 275 об.— 276 об. Челобитчики могли назвать местность Чачан (в нижнем течении р. Аргун) землей «великого государя» в связи с бытовавшим преданием о том, что здесь стоял город Чечен «великих государей и великих князей российских», разоренный «в давних годах». Предание это было рассказано в 1665 г. приехавшим в Москву грузинским митрополитом Епифанием, который пояснил, что «ныне де на том месте вал земляной есть» (ЦГАДА, ф. Сношения России с Грузией, оп. 1, 1665 г., № 1, лл. 1—3). Речь шла, очевидно, об одном из городищ в районе нижнего течения р. Аргун, на которых археологами обнаружены находки скифского времени и раннего средневековья (В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Указ. раб., № 654—656).

¹⁶ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грузией, оп. 1, 1665 г., № 2, лл. 2—5, 50—55, 95—99; 1673 г., № 1, лл. 102—103; 1675 г., № 1, лл. 15—16, 194—198. Я. З. Ахмадов недавно справедливо указал на необходимость специального исследования о Турловых; документы ЦГАДА XVII в. остались ему неизвестны (см. Я. З. Ахмадов. К вопросу о социальном строе Чечни в XVIII столетии.— «Вопросы истории Дагестана (досоветский период)», I, Махачкала, 1974).

¹⁷ Архив Ленинградского отделения Ин-та истории АН СССР, ф. Астраханской приказной палаты, № 2619, 2647.

¹⁸ М. А. Мамакаев. Указ. раб., с. 19, 22—23; В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Указ. раб., № 471; Н. С. Иваненков. Горные чеченцы.— «Терский сборник», т. VII. Владикавказ, 1910, с. 55, 186, 188, 190, 206.

Москве, называют их то шибутцами, то шибутскими посланцами, то «владельцами». «Владельцами» иногда называются и тушинские посланцы. В том, насколько условно иной раз было употребление последнего термина в русских документах, убеждает ряд отзывов о Тушинской земле. Так, при допросе в Астраханской приказной палате в 1661 г. уже упомянутые выше «тушины» Астоп Арабулин и Абул Асторул о Тушинской земле сказали: «А владельца де у них нет, во всякой деревне по судейке...»¹⁹. Характерно, что и тушинские и шибутские посланцы появились в Москве без сопровождающих лиц, между тем как северокавказские феодалы-мурзы приезжали всегда в окружении военных слуг — узденей.

Посланцы, скорее всего, были выбраны из общинной верхушки. В 1642 г. в шибутской Дикеевой деревне назван Дикеев сын Алхан; в 1647 г. перечислены «начальные люди» четырех шибутских кабаков — в том числе Тумцоева — Алги, Анак и Ильдей²⁰. Возможно, Дикеев сын Алхан и Алги — это Алхан и Алган письма 1657 г. Выше упоминались «шибутские начальные люди», с которыми в 1651 г. терские воеводы вели переговоры о выдаче аманата. Мы не знаем, каким вайнахским терминам соответствовали русские термины «начальный человек» или «владелец». Но нет сомнения в том, что они указывают на лиц, выдвинувшихся из среды рядовых общинников.

Когда в 1659 г. терский стрелецкий голова Михаил Молчанов был послан в Шибутскую землю для ее «досмотра», данный из Посольского приказа наказ включал вопрос о том, кто в Шибутской земле «начальные люди и сколько служилых людей». Доездная память — отчет Михаила Молчанова — не сохранилась. До нас дошел лишь проект доклада царю о ней, составленный в 1660 г. в Посольском приказе, к тому же не имеющий конца. Судя по этому документу, ответ Молчанова на этот вопрос был дан в такой неясной форме: «А всего их Шибутцкой земли жителей 19 человек да крестьянских у них 240 дворов». Русский стрелецкий голова не нашел подходящего термина для определения названных ему 19 шибутян; термин наказа «начальные люди» он не считал возможным употребить; 240 «крестьянских дворов» — очевидно, дворы рядовых общинников, из которых и должна была состояться военная сила Шибутской земли, определенная тушинами — пусть с преувеличением — в тысячу человек²¹.

Отписка терских воевод, посланная в Посольский приказ в 1647 г., содержит еще один социальный термин — «выборные лучшие люди». В этом году воеводы вели длительные переговоры с «мичкизскими людьми» о приведении их к шерти. Переговоры закончились приездом в Терский город четырех «выборных лучших людей от всей Мичкизской земли» — Муралея с товарищами, которые подтвердили на коране шерть, данную мичкизскими людьми, с обещанием платить в Терский город ясак. Аманаты от мичкизских людей не были взяты, так как два мичкизянина, жители Терского города, посланные воеводами в Мичкизы, сообщили, что «начальных людей» «над ними в Мичкизской земле нет», «владеет всяк сам собою, и всего де их владенья 36 кабаков, и из тех кабаков сядет их на конь 3 тысячи человек боевых людей»²².

¹⁹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грузией, кн. 7, л. 47.

²⁰ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией..., с. 78, 79.

²¹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грузией, оп. 1, 1658 г., № 1, ч. 2, л. 470; № 3, л. 23. В переписной книге дел Посольского приказа 1673 г. ныне утраченный отчет, составленный Михаилом Молчановым, озаглавлен так: «Роспись Шибутцкой земли владельцам и колько за кем во владенье дворов» (Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв., с. 22). Как показывает проект отчета, термин «владельцы» Молчанов не употреблял, его внесли в переписную книгу дьяки или подьячие Посольского приказа.

²² «Ученые записки Кабардино-Балкарского гос. пединститута», вып. 13. Нальчик, 1957, с. 108. Цифра 3000 боевых людей представляется преувеличением.

Эпитет «лучшие люди» в русском языке XVII в. чаще всего означал людей зажиточных. Раскрыть смысл термина «выборные лучшие люди» помогают и источники XVIII в.: так, в 1781 г. при переговорах кизлярского коменданта Куроедова с чеченцами в текст бумаги, на которой аульские старшины и народ дали присягу, был включен следующий пункт: «Старшин в деревнях для исправления общественных дел избирать им самим беспрепятственно, кого в ту должность удостоят, по древним обычаям...»²³. Разница в сообщениях документов XVII в. о Шибутской и Мичкизской землях (в первой есть «начальные люди» в обширной Мичкизской земле их нет) объясняется, скорее всего, обстановкой, в которой велись переговоры: в Мичкизы из Терского города были посланы проживавшие здесь мичкизяне. «Начальные люди» Шибутской земли, как и «выборные лучшие люди» Мичкизской, — очевидно, старшины, старейшины. Установление наследственности старшинского звания, о которой сообщают источники XVIII в. и примеры которой можно найти и для XVII в., рассматриваются в научной литературе как одна из сторон феодализации горских обществ Кавказа. Такие способы обогащения общинной верхушки, как набеги, захват добычи, пленных, требования «подарков» на путях сообщений, также известны по рассказам лиц, проезжавших по Аргунскому ущелью²⁴.

За неясными фразами документов угадывается выявленная исследователями форма общественного быта вайнахов — кхел, совет старейшин или и более широкое собрание²⁵. Очевидно, на таком собрании было решено в 1657 г. послать в Москву письмо с просьбой принять жителей трех шибутских селений или тайпов в русское подданство; возможно, там же был продиктован писцу текст, в оборотах которого сохранились следы устной речи; шерть, принесенная в 1647 г. 36 кабаками Мичкизской земли, — скорее всего, результат решения кхела; более ясны тексты документа 1651 г. о «договоре», заключенном группой селений долины Чанты-Аргуна о выдаче в Терский город аманата «вместе заодно по очереди», и рассказа 1656 г. о решении тушин и шибутов действовать «впоче».

В XVI—XVII вв. у вайнахов были и мурзы — распространенный на Северном Кавказе термин, означавший феодалов. В XVI в. — это Ушаром-мурза и его сын Ших-мурза окоцкие²⁶, в первой половине XVII в. племянник Шиха — Батай и его сын окоцкий мурза Албирюй Батаев, присягнувший в 1645 г. царю Алексею Михайловичу. Окоцкая земля была расположена в восточной части вайнахской территории и позже оказалась в зависимости от соседних кумыкских феодалов. В 1621 г. выехал служить в Терский город окоцкий же мурза Кегостров Бийтемиров с небольшой группой «окочан». Его потомки служили там до конца XVII в.

В русских документах конца XVI в. есть сведения о мурзе Ларсова кабака (в Дарьяльском ущелье) Салтане. Н. Г. Волкова и Т. С. Магомадова считают Салтан-мурзу вайнахским феодалом, а население Ларсова кабака в это время ингушским²⁷.

²³ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, II. СПб., 1869, с. 63.

²⁴ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грузией, оп. 1, 1665 г., № 1, лл. 1—3; № 2, лл. 95—99; 1673 г., № 1, лл. 195—198, и др.

²⁵ И. М. Саидов. Мехк-кхел (совет страны) у нахов в прошлом. — «Кавказский этнографический сборник», II. Тбилиси, 1968, с. 199—206.

²⁶ В. Б. Виноградов, Т. С. Магомадова. Один из северокавказских союзников Руси. — «Вопросы истории», 1971, № 10; С. Ц. Умаров. К политической и социально-экономической истории Чечни XVI—XVII вв. — «Археолого-этнографический сборник», IV. Грозный, 1976, с. 198, и др.

²⁷ Н. Г. Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа, с. 155, 156; Т. С. Магомадова. Владелец Ларса Салтан-мурза в первых русско-ингушских взаимосвязях. — «Материалы конференции профессорско-преподавательского состава Чечено-Ингушского гос. ун-та по итогам научно-исследовательской работы за 1974 г.». Грозный, 1976, с. 62, 63.

Кабардинские и кумыкские феодалы брали с некоторых вайнахских селений натуральную дань — ясак. Выше были приведены сведения об аварских мурзах Турловых в «Чеченовской деревне». В XVIII в. в районе нижнего течения р. Аргун и в Гумбете (северная часть Аварии) Турловы делили зависимые от них селения с кумыкскими мурзами. В течение XVIII в. они были вытеснены местными жителями в притеречные районы²⁸.

Таким образом, феодалы-мурзы известны по документам XVI—XVII вв. в частях вайнахских земель, расположенных по соседству с Аварией, Кумыкией, Кабардой и Осетией, а также в местности по нижнему течению Аргуна. В горных ущельях и предгорных районах Чечено-Ингушетии располагались селения джамаатов — обществ. Судя по письменным источникам, здесь процесс феодализации был выражен слабее. Очень важным представляется изучение территорий этих джамаатов, условий хозяйственной жизни их населения в прошлом, памятников, сохранившихся на местах поселений, названных документами XVI—XVII вв.

Для углубленного исследования социально-экономических отношений у горских народов Кавказа необходимо также расширение круга источников. Архивные фонды русских учреждений дают возможность поисков и находок, свидетельством чего и является публикуемый документ.

²⁸ В настоящей статье использованы архивные документы, относящиеся преимущественно к Чечне. Известий XVII в. об Ингушетии сохранилось меньше, и они заслуживают специального рассмотрения.